

Беленов Николай Валерьевич

"РИСАЛИЯ" АХМЕДА ИБН ФАДЛАНА КАК ИСТОЧНИК ПО ТОПОНИМИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В данной статье предпринята попытка проанализировать топонимический материал, содержащийся в средневековом источнике "Рисалия" Ахмеда ибн Фадлана и относящийся к Среднему Поволжью. Анализ топонимов проводился с учётом данных по этнической истории региона, при этом особое внимание уделялось гидронимам как наиболее устойчивым формам в топонимии, а также с привлечением двух различных вариантов перевода источника.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/10.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. I. С. 52-56. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В данной статье предпринята попытка проанализировать топонимический материал, содержащийся в средневековом источнике «Рисалия» Ахмеда ибн Фадлана и относящийся к Среднему Поволжью. Анализ топонимов проводился с учётом данных по этнической истории региона, при этом особое внимание уделялось гидронимам как наиболее устойчивым формам в топонимии, а также с привлечением двух различных вариантов перевода источника.

Ключевые слова и фразы: топонимия; Среднее Поволжье; этническая история; средневековые исторические источники; Волжская Булгария.

Беленов Николай Валерьевич, к. пед. н.

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
belen1982@rambler.ru*

**«РИСАЛИЯ» АХМЕДА ИБН ФАДЛАНА КАК ИСТОЧНИК
ПО ТОПОНИМИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ[©]**

При исследовании топонимии любой территории важнейшее значение имеют первоисточники, в которых отражена топонимическая картина местности в прошлом. Топонимия регионов мира в исторических памятниках освещена неравномерно. Если для топонимиста, занимающегося Ближним Востоком или Пелопоннесом, существует достаточно богатый выбор источников, самые ранние из которых восходят к VI-V тыс. до н.э., то для исследователя топонимии Среднего Поволжья такого выбора нет. Следовательно, многократно возрастает ценность тех источников, в которых содержатся сведения о топонимии рассматриваемой территории. Если исключить упоминания названий единичных объектов в трудах античных географов (таких, как Ра, Гиппики и т.д.), то древнейшим письменным памятником, из которого можно извлечь ценные данные по топонимии Поволжья, следует признать «Рисалию» Ахмеда ибн Фадлана, посетившего ставку правителя волжских болгар Альмуша в составе багдадского посольства в 922 году. Путь посольства, вследствие этнополитической обстановки той эпохи, а также дипломатических целей самого посольства, был необычным для такого рода предприятий. Вместо речного пути вверх по Волге караван шёл через Среднюю Азию и Приуралье. Поэтому ибн Фадлан тщательно фиксировал основные этапы своего путешествия, особое внимание уделяя переправам через водные преграды. При этом наш автор в числе прочих сообщает названия многих рек Средневожского левобережья. Анализ этих названий и является целью настоящей работы.

В данной статье мы опирались на два перевода этого памятника, выполненных А. П. Ковалевским. Они существенно разнятся между собой, в особенности это касается прочтения имён собственных, что принципиально для нашей темы. Поэтому считаем целесообразным рассматривать оба варианта (в случае их различия), тем более что первый перевод 1939 года, как представляется, является более близким к тексту. Необходимо отметить, что обстановка, в которой работал автор над первым вариантом перевода, была далека от спокойной: из-за ареста и высылки в Мордовию работа была прервана и вышла под именем И. Ю. Крачковского. Второй вариант перевода, изданный в 1956 году, был выполнен автором с учётом замечаний историков, этнологов и филологов, высказанных ими после первого издания. Таким образом, и первое, и второе издания источника представляют для нашего исследования определённый интерес: первый вариант – буквально переводом, второй – анализом неясных мест рукописи, с привлечением мнения виднейших историков и этнологов. Тем не менее, учитывая все обстоятельства, за основу мы считаем правильным взять вариант 1956 года, как представляющий завершённый труд А. П. Ковалевского по исследованию данного памятника.

При анализе топонимов мы отдавали предпочтение тем этимологиям, которые не противоречат данным по этноязыковой истории региона.

Основная часть упомянутых в «Рисалии» гидронимов приходится на описание участка пути, проделанного посольством от земель гузов до ставки Альмуша. Сразу после окончания описания сцены совета у гузских старейшин ибн Фадлан пишет: «Мы отправились в путь, пока не прибыли к реке Йаганды [5, с. 79]. Исходя из текста источника, мы не можем определить, на каком расстоянии от гузских кочевий (хотя бы в днях пути) протекала эта река. Немаловажным для локализации реки представляется тот факт, что по её берегам обитали башкиры, против которых путешественниками были приняты меры предосторожности. Учитывая, что при описании переправы через Йаганды ибн Фадлан впервые упоминает о специальных приспособлениях для этого – мешках из верблюжьей кожи, можно предположить, что река эта весьма значительна и представляла собой серьёзную преграду. Вообще, практически обо всех реках, встречающихся на пути каравана, наш автор говорит: «... а всё это большие реки [Там же, с. 80]. Здесь исследователи, как правило, делают ремарку, ссылаясь на то, что посольство шло через эти земли весной – в период половодья, так что даже небольшие ручьи и пересыхающие в другое время года речки могли показаться арабу весьма большими [9]. Между тем ряд фактов (распространённость сочинения ибн Фадлана преимущественно в Хорасане, а также намерение на обратном пути вновь посетить гузов) указывает на то, что обратный путь посольства проходил приблизительно

тем же маршрутом. Но тогда у нашего автора была возможность оценить значение этих рек после их вхождения в берега. Следовательно, либо возвращение посольства снова пришлось на весну, что весьма вероятно, учитывая особенности путешествия по Средней Азии, либо ибн Фадлан не посчитал нужным вносить изменения в свои записи, либо же в действительности указанные реки в ту пору являли собой серьёзную преграду.

Так или иначе, благодаря ибн Фадлану мы располагаем перечнем следующих гидронимов, встреченных посольством на пути из области гузов до реки Урал: уже упомянутая Йаганды, затем Джам, переправляться через который пришлось всё в тех же мешках, потом Джахыш, Узил, Эрдэн, Варыш, Анхаты, Вабна, к которым ибн Фадлан счёл нужным добавить приписку, что все они достаточно велики.

После описания земли печенегов и их самих первая, упоминаемая автором, река – это Джайх. В ней подавляющее большинство исследователей, и не без основания, видят Урал, ранее именовавшийся Яиком. Уралом река стала называться после специального указа Екатерины II, стремящейся предать забвению всё, что связано с Пугачёвским восстанием, в котором ведущую роль играло яицкое казачество. Уралом изначально назывался горный хребет, название которого и было в приказном порядке перенесено на реку. Гидроним Джаик/Яик достаточно часто встречается на страницах историко-географических трактатов, посвящённых Урало-Поволжью, и традиционно считается одним из древнейших тюркских гидронимов [6].

После этого сообщения начинается наиболее ценный для нашего исследования фрагмент, Рисалии́й, содержащий названия рек левобережной части Среднего Поволжья. Итак, после трудной и стоившей потерь переправы через Урал посольство последовательно преодолело реки: Джаха, Ирхиз, Бачаг, Самур, Кинал, Сух, Кюнджюлю – и вступило в страну башкир. Здесь, судя по всему, имеется в виду угромagyarское население, остатки которого нашёл на левых притоках Волги венгерский монах Юлиан перед самым монгольским нашествием [2]. Настоящие же, тюркские, башкиры уже упоминались ибн Фадланом на реке Йаганды, недалеко от кочевий гузов.

Что касается первого в этом списке гидронима, Джахи, то его форма одинакова у А. П. Ковалевского в обоих изданиях, однако идентификация с какой-либо современной рекой не приводится. Как нам представляется, данный вопрос пока далёк от разрешения, и выдвигать какие-либо гипотезы по этому поводу сейчас было бы преждевременно. Тем более что к Среднему Поволжью, топонимия которого в центре нашего внимания, эта река, по-видимому, отношения не имеет.

Следующий гидроним – Ирхиз, по мнению подавляющего большинства специалистов, можно отождествить с Большим Иргом. Однако в издании 1939 года вместо Ирхиза стоит, Азханĭ или, Азджанĭ. Сам автор сомневался в правильности написания гидронима, которое оставляет возможность для ряда вариаций. Это, по-видимому, и побудило его в издании 1956 года предпочесть более близкое современному написание, Ирхизĭ. Факт столь ранней фиксации данного гидронима позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, различного рода народные этимологии, выводящие название реки из имён собственных, главным образом казахские и башкирские, надо признать неверными, поскольку река носила это название задолго до того, как представители этих народов появились на её берегах. Во-вторых, сомнительна вообще тюркская этимология названия реки, так как тюркское население в рассматриваемую эпоху было здесь сравнительно редким и пришло недавно. Гораздо более вероятной представляется гипотеза об индоиранской этимологии: «иргиз/ирхиз» – река, возникшая из слияния потоков»; либо от «арах хызĭ – с осетинского «тучное пастбище». Индоиранские племена, согласно археологическим и этнологическим данным, проживали в Поволжье со времён энеолита на протяжении нескольких тысячелетий, поэтому иранские основы в местной гидронимии вполне вероятны.

Следующая упоминаемая ибн Фадланом река – Бачаг. Это название, есть все основания полагать, относится к реке Чапаевке, носившей ранее название Моча. Сам факт того, что ибн Фадланом игнорируется такая крупная и полноводная, особенно в весеннее время, река, как Чагра, позволяет сделать важные выводы относительно маршрута посольства – восточнее верховьев Чагры. В варианте 1939 года гидроним пишется как «Баджа», в примечаниях автор добавляет версию «Баджаг». Данный гидроним интересен как сам по себе, так и для исследования формирования новой топонимии Самарского Поволжья с приходом нового, славянского населения. В диалектах русского языка слово «бочаг» имеет множественные гидронимические толкования, из которых можно выделить значения: «небольшая пересыхающая речка», «колдобина, яма на дне», «омутистая река», «расширение речного русла». То есть, если это название и не происходило из славянских языков изначально – чего нельзя отрицать, оно было легко адаптируемо ими. Далее произошла замена «б» на «м», совершившаяся тем более легко, что слово «бочагаĭ» в тех же диалектах произносится и как «мочагаĭ», с тем же значением [3].

Река Самур ибн Фадлана – это современная река Самара, с чем солидарны практически все исследователи [1]. Столь раннее упоминание гидронима позволяет пересмотреть обоснованность его этимологии из монгольских языков (от монгольского «самарĭ – ореховыйĭ и др.), поскольку ни в начале X века, ни в предшествующие периоды следов носителей монгольских языков в Самарском Поволжье не зафиксировано. Скорее всего, гидроним Самара, так же как и Иргиз, является представителем индоиранского топонимического пласта в Самарском Поволжье, что косвенно подтверждает существование подобного гидронима и в бассейне Днепра [11].

Следующей в варианте 1956 года упоминается река Кинал, отождествляемая с притоком Самары рекой Кинель. Однако, учитывая происхождение гидронима Кинель из кыпчакских языков (скорее всего, из татарского), такая версия вызывает сомнения. В начале X века кыпчакоязычные племена ещё не проникли в Среднее Поволжье. Тогда либо гидроним имеет некыпчакскую этимологию, либо правильным следует признать вариант «Кабалĭ», приведённый в издании 1939 года.

Название реки Сок в обоих изданиях обозначается как «Сухĭ», но в примечаниях отмечен ещё один вариант прочтения – «Суджĭ». Данное примечание особенно интересно и, на наш взгляд, даёт ключ к этимологии

гидронима. В современной топонимической литературе бытует мнение о тюркском происхождении гидронима Сок, что вряд ли оправданно [1]. Его пытаются этимологизировать на материале огузских и кыпчакских тюркских языков, однако присутствие его в данной форме уже у ибн Фадлана ясно даёт понять, что единственным тюркским языком, из которого может простекается исторически обоснованная этимология, является болгарский. Таких версий, насколько нам известно, не имеется.

Обратимся к альтернативным этимологиям. Г. И. Матвеева, основатель самарской археологической школы и автор гипотезы о славянских корнях именьковской культуры, бытовавшей в Самарском Поволжье в предбулгарский период, придерживалась мнения о том, что такие местные гидронимы, как Черемшан, Бездна и интересующий нас в данном случае Сок, имеют славянскую этимологию [7]. Примечание А. П. Ковалевского подкрепляет версию Г. И. Матвеевой. Дело в том, что, согласно ибн Фадлану, у болгар был популярен напиток , суджувѣ, откуда, вероятно, происходит волжское диалектное , сьчѣвкаѣ [4]. Итак, если верен вариант прочтения названия реки как , Суджѣ (а принять верным вариант Сух, очевидно, автора подтолкнула современная топонимическая номенклатура местности), то мы имеем в этом случае болгарскую кальку славянского гидронима. Такие явления в топонимике, как известно, не редкость; сравните, например: на Русском севере русские кальки и полукальки с карельского и саамского типа , Топозероѣ, , Ловозероѣ и пр. [8].

Название Кондурчи – Кюнджюлю, как представляется, наиболее отлично от современного среди рассмотренных выше гидронимов. В примечаниях к переводу автор предлагает альтернативные версии – к примеру Ка(н)джалу [9]. Исходя из этого, можно заключить, что современное название реки, если и происходит от гидронима начала X века, то претерпело значительную фонетическую и, по-видимому, смысловую трансформацию.

Проследовав через земли угро-мадьяр, посольство переправилось через Джарамсан, Уран, Урам, Байнах, Ватыг, Нийасну, Джавшыз и достигло ставки Альмуша.

Река Черемшан у ибн Фадлана упоминается под названием Джарамсан. В данном случае мы склонны согласиться с мнением В. Ф. Барашкова по поводу иранской этимологии данного гидронима: от иранского , джармѣ – , течь, текущийѣ [1]. Возвращаясь к гипотезе Г. И. Матвеевой о славянской этимологии названия реки, можно предположить, что, возможно, славяне произносили ираноязычное название на свой манер, что в итоге дало современное звучание. Однако , Рисалииѣ демонстрирует нам, что в начале X века продолжала бытовать иранская форма.

Под рекой Уран следует понимать, скорее всего, современный Урень, левый приток Волги. Традиционная этимология от тюрко-татарского , урѣ – , обрыв, ровѣ представляется не бесспорной. Во-первых, к ней можно отнести то же замечание, что и к этимологии гидронима Сок: столь раннее упоминание названия реки в источнике сводит вероятность этимологии гидронима из кыпчакских языков к минимуму. Во-вторых, река Урень – равнинная, с пологими берегами, поэтому к ней никак не подходит эпитет , обрывистаяѣ. Следует заметить, что гидронимы типа Уран/Урень широко распространены в Среднем Поволжье и в Приуралье. Такое распространение, в принципе, не противоречит объяснению названия из гидрологических характеристик, но, как мы уже сказали, в большинстве своём это – равнинные реки. Поэтому, на наш взгляд, здесь более уместно видеть болгарскую (а возможно, и общетюркскую) форму , уранѣ – как обозначение движения воды, течения.

Для следующей, упоминаемой ибн Фадланом, реки Урам можно предложить этимологию от общетюркского, в том числе и болгарского, , урѣмаѣ – , лес и мелкий кустарник в низовьях рекѣ. Очевидно, что о подтверждении данной этимологии речь может идти только после убедительного отождествления реки Урам с одной из известных рек. Среди близких гидронимов, имеющих отношение к данной местности, можно выделить небольшую реку Эреме либо Урюм близ Нового Альметьева.

В реке Байнах большинство исследователей склонны видеть Майну. Это тем более вероятно, что, как мы уже видели на примере Баджаг/Мочи, переход начального , бѣ в , мѣ вполне закономерен. Остается отметить, что данный гидроним – один из наиболее спорных по написанию в , Рисалииѣ. Так, А. П. Ковалевский в примечаниях к изданию 1939 года пишет, что возможно прочтение , Ба(б)а(н)аджѣ, и далее добавляет, что , второе “б” наиболее сомнительно и может быть “й”, и даже “н” и “т”ѣ [9, с. 157].

Река Ватыг обычно отождествляется с рекой Уткой. Прежде всего, стоит отметить, что гидроним , Уткаѣ достаточно широко распространён: можно упомянуть с таким названием притоки рек Невы, Чусовой, Большой Ашки, есть река с таким названием и на Камчатке. Название , Уткаѣ, безусловно, славянское. Но обращает на себя внимание тот факт, что на исконно славянских землях реки с таким названием крайне редки, в противоположность территориям, сравнительно недавно освоенным. Поэтому можно предположить, что реки с таким названием – фонетическое изменение в русском языке иноязычного гидронима, с приданием ему формы понятного слова. Так, уральские , уткиѣ имеют в своей основе мансийское , ут/утьѣ со значением , вода / водный путьѣ или коми-зырянское , утѣ – , затопляемая низина / заливные лугаѣ. Должно быть, и в нашем случае мы имеем дело с чем-то подобным. Как вариант, можно предложить этимологию от чувашского , ватѣ – , размыватьѣ; как правило, термин используется по отношению к размывам во время половодья. Как известно, берега реки Утки изобилуют булгарскими городищами, в одном из которых исследователи склонны видеть древний Сувар – центр одноимённого племени. В таком случае разливы этой реки и причиняемые ими разрушения должны были в особенности привлекать внимание болгар. В пользу нашей гипотезы свидетельствует также и то, что одним из вариантов прочтения гидронима Ковалевский предполагает , Ватѣѣ.

Следующий гидроним , Рисалииѣ – , Нийаснаѣ. В издании 1939 года название реки указано как «Банаснаѣ, что дало повод некоторым исследователям видеть в ней реку Бездну. Другие интерпретируют , Нийаснуѣ как реку Красная. Со своей стороны, заметим, что, на наш взгляд, более подходит в качестве прототипа река Наясолка, правый приток Бездны. Она же даёт основания полагать правильным чтение именно в форме

, Нийаснаї. По мнению В. Н. Топорова, гидронимы с начальным формантом ,ней в целом характерны для балто-славянской топонимической номенклатуры [10].

На наш взгляд, данный пример являет собой, наряду с гидронимом Сок, наиболее убедительное доказательство гипотезы Г. И. Матвеевой. Остаётся добавить, что в начале X века гидроним, по всей видимости, бытовал в форме ,Неяснаї, что находит широкие аналогии в гидронимии Центральной России, Белоруссии и Прибалтики, то есть в классической области распространения балто-славянских гидронимов.

Река Джавшыз, по-видимому, не тождественна упомянутой позднее реке Джавшыр. Попытки отождествления данных рек с современными пока нельзя признать удачными.

Кроме того, в последующем повествовании ибн Фадлан упоминает ещё несколько топонимов в земле волжских булгар, подавляющее большинство которых является гидронимами.

Так, в одном из сообщений упоминается о некоем месте Атыл, хотя, как следует из других фрагментов, ибн Фадлану прекрасно известно о Волге, под тем же названием. Уместен вопрос: что перед нами в данном случае – техническая ошибка переписчика/переводчика либо же уникальное свидетельство существования какого-то места (возможно, населённого пункта, пристани) с названием Атыл? Ответ здесь, очевидно, за арабистами-переводчиками.

Также упоминаются места ставок Альмуша – первоначально в местности Хёллече, у трёх озёр, а затем на реке Джавшыр. Причём в первом варианте перевода название места ставки Альмуша читается иначе: «И переехал царь от воды, по имени Халджа, к реке, называемой Джавширї [9, с. 110].

В названии , Хёллечеї мы склонны видеть болгарское обозначение зимовья. Судя по тому, что болгары оставались ещё полукочевниками, у них должны были быть места стационарного проживания зимой. Одним из них, скорее всего, и являлось место у трёх озёр – Хёллече, от чувашского , хёллеї – , зимаї, , хёллесей – , зимовщик, зимующийї. В подтверждение нашей версии можно привести мнение выдающегося отечественного тюрколога М. Р. Федотова об упоминаемом Гардизи хазарском городе Хылыг, в котором он также склонен видеть зимовье [12].

На этом считаем возможным завершить наш краткий обзор, который, конечно, не исчерпывает всего богатейшего топонимического материала, представленного в данном источнике. На основании проведённого исследования считаем уместным сформулировать следующие выводы.

1. Большая часть гидронимов Средневожского левобережья была известна практически в современном виде уже к началу X века. Данное наблюдение свидетельствует в пользу той точки зрения, что именно гидронимы обладают высокой фонетической устойчивостью в иноязычной среде на протяжении длительного времени. Если относительная устойчивость названий крупных рек признаётся практически всеми исследователями, то подобные выводы по поводу малых рек остаются дискуссионными. На основе анализа топонимического материала, содержащегося в , Рисалиї ибн Фадлана, можно сделать вывод о том, что и малые гидронимы обладают значительной устойчивостью, по крайней мере, вывод справедлив для данного региона.

2. Упоминания многих гидронимов Среднего Поволжья у ибн Фадлана в близких к современным формам позволяет пересмотреть достоверность ряда этимологий этих названий из языков, носители которых появились на данной территории позже.

3. Зафиксированные в источнике формы гидронимов дают возможность проследить не гипотетически, а на документальном материале пути их трансформации на протяжении тысячелетия. Так, для рассматриваемого региона можно выделить закономерность сохранения фонетической формы гидронима в иноязычной среде, с приданием ему нового значения, имеющего смысл в новом этнокультурном окружении, то есть создание так называемых топонимических калек. Также надо признать закономерным переход начального , бї в , мї, что демонстрирует трансформация ряда гидронимов.

Список литературы

1. Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н. Самарская топонимика. Самара: Изд-во СамГУ, 1996. 189 с.
2. Беленов Н. В. Расселение булгарских эсегель по данным топонимии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 3. С. 51-54.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. – СПб.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 2800 с.
4. Добродомов И. Г. Об одном призрачном слове у В. И. Даля // Владимир Даль в счастливом доме на Пресне. М., 2010. С. 99-108.
5. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг.: статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьковского гос. университета имени А. М. Горького, 1956. 345 с.
6. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе [Электронный ресурс] // Вестник древней истории. 1947. №№ 1-4; 1948. №№ 1-4; 1949. №№ 1-4. URL: http://apsnyteka.org/file/VDI_Latyshev_Izvestiya_drevnih_pisateley_grecheskikh_i_latinskikh_o_Skifii_i_Kavkaze.pdf (дата обращения: 10.01.2015).
7. Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура. Самара: Изд-во СамГУ, 2004. 156 с.
8. Муллонен И. И. Топонимический атлас Карелии: проблемы и перспективы // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Петрозаводск, 2007. С. 7-19.
9. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу / под ред. И. Ю. Крачковского. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. 228 с.
10. Топоров В. Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. Часть 2 // Балто-славянские исследования / отв. ред. В. В. Иванов. 1987. М.: Наука, 1989. С. 47-69.
11. Трубочев О. Н. Названия рек правобережной Украины. М., 1966. 290 с.
12. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 981 с.

“RŪSIYYAH” BY AHMAD IBN FADLĀN AS SOURCE ON TOPONYMY OF THE MIDDLE VOLGA BASIN

Belenov Nikolai Valer'evich, Ph. D. in Pedagogy
Volga Region State Socio-Humanitarian Academy
belen1982@rambler.ru

The article aims to analyze toponymic material contained in the medieval source “Rūsiyyah” by Ahmad ibn Fadlān relating to the Middle Volga basin. The analysis of the toponyms was carried out taking into consideration data on the ethnic history of the region; special attention was paid to the hydronyms as the most stable forms in toponymy. The analysis of the toponyms was made with reference to two different variants of the source translation.

Key words and phrases: toponymy; the Middle Volga basin; ethnic history; medieval historical sources; Volga Bulgaria.

УДК 93(47-57)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается состояние уличного и площадного пространства дореформенных городов Среднего Поволжья, анализируются способы организации и благоустройства городских дорог, тротуаров и площадей. Цель настоящей публикации заключается в выявлении причин неудовлетворительного состояния дорожной сети в дореформенных провинциальных городах. По результатам исследований автор делает вывод: во второй трети XIX в. положительная динамика в решении проблем городского благоустройства прослеживается, главным образом, в губернских и крупных торговых городах региона. К середине XIX в. не только власти, но и сами горожане приходят к осознанию необходимости создания дорожной инфраструктуры как фактора развития торговли и повышения качества жизни в провинции.

Ключевые слова и фразы: средневожские города; городское благоустройство; дореформенная эпоха; мощение и выравнивание улиц; тротуары; городские площади и дороги.

Бирюкова Анна Борисовна, к.и.н., доцент
Самарский государственный технический университет
annabir@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ И БЛАГОУСТРОЙСТВО УЛИЧНОГО И ПЛОЩАДНОГО ПРОСТРАНСТВА СРЕДНЕВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX В.:

Изучение проблем городского благоустройства провинциальных городов Российской империи в отечественной историографии осуществлялось, главным образом, на материалах второй половины XIX – начала XX в. Всплеск интереса к обозначенной проблематике в новейшей историографии городоведения связан, во-первых, с изучением системы управления в провинции, во-вторых, с разработкой различных аспектов истории городской повседневности. С сожалением можно констатировать наличие лишь отдельных работ, в которых предпринимались попытки проанализировать круг вопросов, связанных с благоустройством дореформенных российских городов [1-3; 9, с. 21-24; 14, с. 64; 33, с. 123-138]. Более пристальное изучение этого интереснейшего сюжета городской жизни на материалах средневожских губерний (Симбирская, Саратовская, Пензенская, Самарская), на наш взгляд, будет способствовать всестороннему пониманию социокультурных сторон урбанизационного процесса, протекавшего в дореформенной российской провинции.

Несмотря на некоторые различия, наблюдавшиеся в планировочной структуре городов Среднего Поволжья, характере экономической деятельности горожан, комплекс проблем, связанных с городским благоустройством в дореформенную эпоху, был в целом одинаков во всех городских центрах региона и включал в себя строительство, мощение и ремонт сухопутных путей сообщения; очистку уличного и площадного пространства; утилизацию и переработку мусора; организацию водоснабжения; санитарно-эпидемиологические мероприятия (в том числе, содержание мест захоронения); организацию уличного освещения.

Города становились опорными пунктами на бескрайних русских просторах, испещренных множеством дорог, заботу о которых правительство особенно активно начало проявлять с конца XVIII века. Полномасштабная работа по обустройству дорог в Российской империи началась при Александре I. К началу XIX столетия относится организация управленческих структур, отвечающих за строительство дорог, создание специализированных образовательных учреждений, а также реализация полномасштабных проектов, связанных с обустройством почтовых трактов и шоссе. В 1810 г. было создано Главное управление путей сообщения, страна была поделена на округа (сначала – 10, позднее – 12), был образован Корпус инженеров путей сообщения, открыт одноименный Институт. При Николае I ведомство стало называться, Главным управлением путей сообщения и публичных зданий. В его компетенцию было передано строительство зданий гражданского назначения в городах. В 1830-е годы на местах были созданы губернские и подчинявшиеся им уездные